Е.В. Яковлева

ИДЕНТИЧНОСТЬ И НЕОДНОВРЕМЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В. МУРАВЬЕВА)

Яковлева Елена Владимировна
аспирант Института философии и права УрОРАН

Негативный социально-политический опыт современной мировой цивилизации, сопровождающий её духовные искания и попытки самоопределения, указывает на некоторые аспекты проблемы идентичности, до этого пребывавшие в тени, которые влекут за собой постановку ряда принципиальных вопросов. Специфика сегодняшней трансформации содержания идентичности и затруднённость идентификационных процессов связана с тем, что её возникновение обусловлено не сменой исторических эпох, как это было на предыдущих этапах социального развития, а особым состоянием общества, которое, используя, категорию известного немецкого философа Э.Блоха, можно охарактеризовать как «неодновременность».[1] Феномен неодновременности представляет собой состояние социальной системы, когда её структурные уровни обретают относительно автономную динамику функционирования, не совпадающую с динамикой и принципами функционирования системы. Проявлениями обозначенного феномена становится существование в рамках одной исторической эпохи социальных субъектов, сознание времени, ритмы и темпы бытия которых могут значительно отличаться друг от друга.

Современная реальность такова, что неодновременность становится неизменным атрибутом повседневного социального бытия. Сегодня неодновременность, возникающая на фоне коллизий внутри социальной системы, обнаруживает значение несовременности социальных групп. Динамика цивилизационного прогресса, требующая постоянного пересмотра жизненных ориентаций, приводит к тому, что культурные циклы не совпадают с социальными. На социальном уровне это проявляется как необходимость постоянной реструктуризации общества, в ходе которой происходит становление социальных институтов, отвечающих требованиям современности, и частичного сохранения предшествующих структур. Неодновременность в индивидуальном измерении представляет собой ситуацию, когда живущие в современности субъекты ментально задерживаются в прежней парадигме или, наоборот, мировоззренчески и практически опережают сегодняшний день. Кроме того, в современном обществе неодновременность утрачивает значение монокультурного феномена. В неуклонно глобализирующемся мире очаги неодновременности нередко возникают как следствие культурных взаимодействий и заимствований социальных форм чужой культуры, которые с особенной легкостью проникают в общество, пребывающее в состоянии эндогенной социальной неодновременности. Сегодня процессы усвоения чужого социально-культурного опыта оказываются не только спровоцированы экономическими потребностями, но и утверждением права выбора индивидуального жизненного стиля - собственного временного планирования, которое нередко оказывается копированием той или иной культурной модели поведения. Раскол социума по мировоззренческим линиям, имеющим разную культурную природу, приводит к тому, что временная реальность современного социума обретает чрезвычайно сложную структуру. Общество, пребывающее в таком состоянии теряет временную определённость, и представляет собой конгломерат исторически и культурно разнообразных форм бытия. При этом, возрастающая социальная амбивалентность нередко сопровождается противоречиями и борьбой временных сегментов, что определяет необходимость контролировать и управлять неодновременностью.

Признание и допущение существования субкультурного многообразия не решает проблему

гармонизации общественных отношений, а наоборот, заостряет необходимость социальной синхронизации и ставит вопрос о путях достижения временной упорядоченности. Традиционные принципы синхронизации, прежде всего, институциональное регулирование времени осуществляется при помощи подчинения социальных групп единой законодательной и нормативной системе, системе воспитания, труда, свободного времени и т.д.

Однако сегодня, когда центробежные силы социальной динамики утверждают абсолютную ценность индивидуализма и изменчивости, институциональное регулирование времени теряет прежнее значение синхронизирующего социального механизма. В современном мире, в период расцвета идеи индивидуализма и утверждения права свободы совести, создаётся ситуация, когда мировоззренческое становление субъектов оказываются в сфере индивидуальных инициатив. Выдвижение на первый план идеи свободы выбора и изменения жизненных ориентаций, представляющее собой формы культивирования и нормативного оформления неодновременности, оборачиваются не только кризисом социального бытия, но и кризисом субъекта. Непрерывная смена жизненных и культурных стилей, как на индивидуальном, так и на социальном уровне неизбежно приводит к тому, что современные индивиды и общество в целом вынуждены постоянно испытывать психологические перегрузки, связанные с адаптацией к новому, а также жить с багажом нереализованных интенций. Определенным выходом из сложившейся ситуации становится обращение к тем теоретическим наработкам отечественной философской традиции, где присутствует опыт осмысления социальных проблем во временном аспекте. Здесь особое место занимает философское наследие Валериана Муравьёва (1885 – 1931гг.) – юриста, математика, философа и публициста.

Мировоззрение Муравьёва, сформированное традицией православного универсализма, а также сложившееся под влиянием идей русского космизма, большевистского проекта мировой революции и насущных потребностей молодого советского общества оказывается необыкновенно близким сегодняшнему дню с его глобализационным вызовом и внутрисоциальными трансформациями. В работах Муравьёва «Овладение временем», «Восприятие истории», «Национализм и интернационализм», «Национальная идея», «Неведомая Россия» содержатся оригинальные решения проблемы социальных противоречий и разработки стратегий управления неодновременностью.

Осмысляя проблему темпоральной разрозненности социума, В. Н. Муравьёв, проводит фундаментальный анализ феномена времени. Время предстаёт в философии В.Н. Муравьёва как феномен, непосредственно связанный с человеком и социумом. Вводя понятие «времяобразование» он делает акцент не только на зависимости времени от природных ритмов, и человеческой деятельности, но и на особой смысловой нагрузке этого понятия. Время в понимании Муравьёва – это единый закон и логика бытия универсума. Рассуждая о процессе времяобразования, он указывает на существование двух диалектически взаимосвязанных источников темпоральности.

Отмечая онтологическое единство природного и социального начал, он подчеркивает рациональный характер взаимодействий человека с природой. Способность человека познавать окружающий мир и осознавать своё место в нем позволяет формировать особый тип отношений к природному времени - контролировать и подчинять его и, таким образом, уже самостоятельно творить время и историю космоса. Муравьев отмечает возрастающее влияние человеческой активности во времяобразовательном процессе и онтологизирует рациональную человеческую деятельность, определяя её как «мировое действие».

Говоря о нарастающей зависимости мировой темпоральности от воли и разума человека, Муравьёв выступает против дихотомии природного и социального времени. Однако, понимая время как результат социальных и исторических отношений, он признаёт существование временного многообразия на социальном уровне. При этом, Муравьёв говорит о том, что неодновременность как возможность существования локального бытия, как и любой «плюрализм не сообщающихся сущностей»,[2] в реальных условиях невозможен. Он доказывает, что идеи изоляционизма и абсолютизации уникальности - лишь иллюзии, которые являются последствием искаженного индивидуального и общественного самосознания. Веками человеческое сознание воспитывалось под давлением раскалывающего временное единство мира национального и государственного начал, культивирующих идею противопоставления своего и чужого, «имеющих в основе своей темные, эгоистические чувства непросвещенных масс».[3] Анализируя феномен амбивалентности социального времени, Муравьёв указывает, что условия бытия индивидов и социумов таковы, что независимо от их самосознания и позиционирования себя в мире они неизбежно оказываются в отношениях «взаимозависимости». Взаимозависимость бытия определена объективными причинами - «единством рода, общностью происхождения»[4], единство глобального топоса бытия – вселенной.

При этом, в культурном опыте человечества присутствуют формы освоения действительности, направленные на выявление всеобщих взаимосвязей. Одной из них, считает Муравьёв, является историческая наука. «История – это название для улавливаемой индивидами связи событий»,[5] это способ демонстрации диалектики отношений всех уровней мировой системы (социальных групп и

общечеловеческой цивилизации, цивилизации и природы и т.д.). Ведь только постфактум все происходящее оказывается исполненным значения и смысла. Внимание и уважение к прошлому становятся условием существования ретроспективы, в которой возможно обозревать мир в его целостности и закономерной связи всех мировых процессов. Таким образом, формируется видение современности в контексте прошлого и будущего, а также видение себя в контексте актуальных социальных связей. Особенностью осознания себя частью целого становится направление рациональной деятельности на совместное применение сил в борьбе с природным, «объективным», враждебным человеку временем. Сужение мировоззренческих горизонтов приводит к тому, что «… распыленность усилий даёт хаотическую многовременность, или буйный рост времен, возникающих в миллионах различных систем, не связанных общим действием и потому ограничивающих друг друга, создающих ряд принудительных временных равнодействующих, устанавливающих над системами этими гнет механического подчинения и рабства».[6] Именно в условиях неодновременности возникают разрывы социальных связей между субъектами, существование которых определяет возможность бытия некой области, где потеря социального контроля над процессами оборачивается господством объективных законов, которые, маскируясь под социальные феномены - войны, революции и др. общественные потрясения несут человеческой цивиллизации разрушение и смерть. Поэтому Муравьёв приходит к выводу о патологической природе неодновременности и определяет её как «негативное время». При этом, такая оценка неодновременности оказывается относительной. Следуя логике рассуждений Муравьёва, неодновременность - необходимый для социального развития феномен, поскольку, антиномичная мировая Истина доступна человеку лишь в существовании культурного многообразия. Поэтому Муравьёв, допуская культурную неодновременнность, подчеркивает необходимость политической синхронности, которая, синтезируя культурное многообразие, должна очерчивать образ истины и формировать единое непротиворечивое многообразие человеческой цивилизации. Беда человечества, считает он, в том, что культурная неодновременность на протяжении истории неизменно оборачивается политической. И если на предыдущих этапах развития социума идейно–политическая неодновременность могла быть оправдана низким уровнем научно-технического развития человечества, не позволявшим ему мыслить глобально, то в современных условиях преодоление такой неодновременности становится необходимо для дальнейшего развития человечества.

В «Овладении временем» он подчеркивает, что социальные и исторические отношения не результаты времени, а времяобразующий фактор. Исходя из того, что человеческое сознание обладает преобразующей энергией, «знание системы и способность её видоизменять есть способность воздействовать на её время»[7]. Муравьёв приходит к мысли, что преодоление темпоральной рассогласованности связано с организацией человеческой деятельности, основанной на единой форме сознания. Он отмечает, что существуют принципиально разнообразные способы создания единого времени.

Первый и наиболее распространенный основан на том, что в общественном или индивидуальном сознании абсолютизируется значение субъективной или групповой уникальности. Эту тенденцию Муравьёв определяет двояко - как национализм и интернационализм. Он практически уравнивает их друг с другом, осмысляя как стратегии объединения, под влиянием идеи, распространённой в одной социальной группе.

Изначально, говорит Муравьёв, «истинный национализм хочет всех завоевать, но не силой оружия, а своей национальной правдой».[8] Его несостоятельность для развития общества связана с тем, что будучи односторонним отражением мировой истины, он не способен к ассимиляции внутренних общественных противоречий. По мнению Муравьева, даже на теоретическом уровне модели построения общества на основе локальных форм сознания противоречат законам мирового бытия. Это противоречие в социальном измерении обретает значение сопротивления развитию и может проявляться в самых разных сферах общественной жизни в разнообразных формах.

Кроме того, национализм и интернационализм, рассмотренные в аспекте социального опыта, выявляют своё негативное значение – ведь нередко создаётся ситуация, когда рождается «зоологический национализм», который поддерживается искусственно правительством. Он отрицает свободу личности и правовые нормы государственности ради… порядка.»[9] В таком случае происходит спекуляция идентичностью, она становится политической мерой социального управления, не отвечая ни реальным потребностям общества, ни своим изначальным высоким идеалам.

Осмысляя пути выбора форм идентичности в контексте фундаментальной противоречивости уникального и всеобщего, Муравьёв приходит к мысли, что для создания глобального действия и соответственно единого времени сознание тоже должно стать глобальным. Подлинная гармонизация отношений возможна при условии, что социальные группы и каждый человек будут «стоять на точке зрения всечеловеческой», осознавать себя в первую очередь «мировым субъектом». Существование любой уникальности допускается лишь в силу её причастности к Истине, поэтому частное, не зависимо от его происхождения, не может

претендовать на роль универсального. В этом аспекте концепция «мирового субъекта» Муравьёва может стать ключевой для поисков индивидуальной и социальной самоидентификации.

1 Bloch E. Erbschaft dieser Zeit. Fr.a.M.1985; См. также: Вершинин С.Е. Жизнь – это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург, 20001. С. 60–78.

2 Муравьёв В.Н. Овладение временем. М., 1998. С. 145.

3 Муравьёв В. Национализм и интернационализм // Овладение временем. М., 1998. С. 77.

4 Муравьёв В. Н. Неведомая Россия // Овладение временем. М., 1998. С. 35.

5 Муравьёв В. Н. Восприятие истории // Овладение временем. М., 1998. С. 47.

6 Там же. С. 121.

7 Там же. С. 141.

8 Там же. С. 77.

9 Там же. С. 80.

А.Ю. Зенкова

Ж-П. САРТР: ОПАСНОСТЬ ВИЗУАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Анна Юрьевна Зенкова кандидат философских наук, докторант Института философии и права УрО РАН

О враждебном отношении к привилегированному положению глаза Сартр заявляет практически с первых своих работ, и он не отступает от него на протяжении всего периода развития своих философских идей, придавая «взгляду» социальные, психологические и экзистенциальные измерения. Один из его комментаторов[1] по этой причине даже назвал его «самым многосторонним соглядатаем столетия». Однако история отношения Сартра к проблеме визуальности – это драма, в которой переплеталось стремление к проникающему во все мировые тайны взгляду, устанавливающему ясные отношения между познающими и познаваемыми субъектами, приводящему к свободе их выражения, и, победившее в результате, отчаяние от бесплодности его усилий. Можно сказать, что на протяжении всего пути размышлений его позиция представляла собой одновременно жажду и отвращение взгляда, его признания и опровержения, что позволяет ее сравнивать с позицией Руссо, чьи не менее противоречивые отношения с визуальностью стали предметом критики Старобински.[2]

Автобиографическое эссе Сартра *Слова* (The Words), написанное им в 1964 году, представлявшее собой парадоксальное желание «явить» себя, истоки своего мыслительного пути, взору Других, взору, об опасности которого он предупреждает на протяжении всей своей деятельности, стало удачным свидетельством и документальным подтверждением для различных интерпретаций и биографического прочтения его текстов. Весьма интересный и убедительный опыт подобного прочтения, с моей точки зрения, являет собой книга Алана Бьюисана *Уродство Сартра (*Alain Buisine *Laideurs de Sartre),* посвященная этапам изменения позиции Сартра в отношении визуальности. Работа, прослеживающая путь постепенного разочарования и отказа от визуального опыта, разделена на три части - «общественный философ», «косоглазый философ» и «слепой философ».

В конце тридцатых годов Сартр, уже обозначивший свое резко отрицательное отношение к чувственному зрению, установив радикальное различие между чувственным восприятием и воображением, пишет: «я думаю глазами».[3] Отрицание чувственного зрения, как отмечает он в своей автобиографии, было напрямую связано с отвращением к зеркальным образам, и обращением к спасительному письму, с которым он связывал надежду на высвобождающую игру воображения: «я родился из письма. До этого была только игра зеркал».[4] Зеркала для Сартра наполнены опасностью, потому что они связываются им с воспоминаниями о вере в принятие взгляда Другого как истинного. «Зеркало преподносило мне, - признавал он, - то, что я всегда знал: я был ужасен от природы. Я никогда не смог преодолеть этого».[5] Хотя Сартр в конце концов и придет к выводу о тщетности простого письма по сравнению с действием, он будет защищать его в течение всего периода развития своих идей, так как, вероятно, полный отказ от него будет всегда